

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ МЕТАФИЗИКИ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Чэн Хун, Вэнь Сюэмэй

Аннотация. Владимир Владимирович Набоков – один из ярчайших представителей русской литературы XX в. Исследованию творчества В. Набокова посвящены работы выдающихся учёных из разных стран. Черты самобытного и неподражаемого стиля Набокова – утончённость, изысканность, отточенное мастерство. Глубина его философских, нравственных, эстетических пристрастий, научная эрудиция во многих сферах человеческого знания рельефно и многогранно запечатлены в много-томном наследии.

В данной статье представляется метафизика Владимира Владимировича. В ней ключевым моментом является способность автора понимать, видеть, чувствовать величие этого мира и тяготеть к чему-то большему, невыразимому. Философско-эстетические взгляды писателя сопряжены с разнообразными литературными направлениями русского Зарубежья, теоретическими и практическими идеями формалистов, семиотическими и структуральными концепциями.

Кроме того, на основе текстов русскоязычных романов писателя в статье анализируются взаимосвязи основных категорий философии, этики, филологии, очерчено соотношение мира реального и ирреального, истинного и ложного, творческого начала и хаоса, уточняются категории «игры» и «театра», описаны особо значимые в ценностной системе писателя вопросы стиля и способы создания художественных приёмов. В статье указаны основополагающие темы произведений В. Набокова – время, вечность, память, воспоминания. Всё это в той или иной степени присутствует в художественном мире В.В. Набокова и позволяет рассматривать его произведения как метапрозу.

Ключевые слова. Метафизика, метапроза, творчество, стиль, философско-этические взгляды, мир реальный и ирреальный, создание художественных приёмов, категории «игры» и «театра».

Владимир Владимирович Набоков – один из ярчайших представителей русской литературы XX в. Утонченность, изысканность, отточенное мастерство – это черты самобытного и неподражаемого стиля писателя. Глубина его философских, нравственных, эстетических пристрастий, научная эрудиция во многих сферах человеческого знания рельефно и многогранно запечатлены в многотомном наследии. Исследованию творчества В. Набокова посвящены работы выдающихся учёных из разных стран. Среди них:

- ведущий специалист по творчеству В. Набокова новозеландский профессор Брайан Бойд; французский историк литературы, славист, академик Европейской академии (Лондон), почётный профессор Женевского университета Жорж Нива;

- русский литературовед, культуролог, семиотик, доктор филологических наук, профессор Юрий Лотман;

- российский лингвист, академик РАН, доктор филологических наук, профессор, глава Московской семантической школы Юрий Апресян и др.

Данная статья посвящена характеристике основополагающих констант метафизической системы Владимира Набокова на основе анализа русскоязычных романов, таких как «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Дар». Под метафизикой мы понимаем совокупность этической, философской и лингвистической систем, объединённых в целостную многогранную и разноплановую структуру, репрезентируемую текстами художественных произведений.

Профессор Б. Бойд отмечал, что «подлинная история искусства Набокова – это история его поисков формальной и художественной выразительности для разрешения проблем, поставленных его философией» [Бойд, 2001:142]. Анализируя метафизику писателя, исследователь указывал на два взаимодополняющих друг друга, но разнонаправленных вектора набоковского сознания. «У него есть страсть к независимости, – писал Бойд, – к индивидуальности вещей, которая ве-

дёт его к более глубокому погружению в подробности изолированной части, и страсть к узору, схеме, повтору, которая ведёт его на поиски новых связей и комбинаций» [Бойд, 2001:148]. «В сфере пространства он обращает внимание на исключительность природных объектов, и в то же время на уникальные сочетания вещей. В сфере времени он концентрирует своё внимание, с одной стороны, на его свободе и открытости, а с другой, – на тайне узоров, которые могут показаться нам судьбой. В сфере человеческого сознания внимание В.В. Набокова нацелено на уникальную свободу сознания в конкретный момент настоящего и, одновременно, способность сознания преодолевать пределы времени и пространства в памяти или воображении» [Бойд, 2001:148].

В метафизике В.В. Набокова ключевым моментом является его способность понимать, видеть, чувствовать великолепие этого мира и тяготеть к чему-то большему, невыразимому. Подход писателя к онтологическим проблемам основывался на системе философских воззрений, определяемых в настоящее время как «метафизика Набокова». Для В.В. Набокова субъективный мир произведения – это особая реальность, в которую он сам погружён, мир художественного произведения, изучаемого критиком, и мир природы, к которому обращается учёный, – также разновидности одной и той же реальности, одновременно объективной и субъективной.

Её объективность – в самом факте её существования, её субъективность – в индивидуальности восприятия, свойственной каждой личности [Воронина, 2001:159]. Набоковская реальность индивидуализирована, одухотворена, уникальна. Характерологической чертой набоковского многомирия является идея взаимодействия, взаимопроникновения: миры постоянно трансформируются, превращаются, изменяются, перетекают друг в друга, декларируя подвижность как основополагающий принцип бытия. Исследователь О.Ю. Воронина отметила особую значимость игры миров как в

поэтике В.В. Набокова, так и в его философии и эстетике [Воронина, 2001].

Самосознание В.В. Набокова, его рефлексии, вызванные осмыслением собственного творческого процесса и творчества других художников слова, находятся в соответствии с движением теоретической мысли, отражают «индекс тем» (В. Шкловский) и общность познавательных установок, характерных для менталитета XX в. [Липовецкий, 1997-1]. Философско-эстетические взгляды писателя сопряжены с разнообразными литературными направлениями русского Зарубежья, теоретическими и практическими идеями формалистов, семиотическими и структуральными концепциями.

Учёные В.Е. Александров [Александров, 1999], М.Н. Липовецкий [Липовецкий, 1997-2], М.А. Люксембург [Люксембург, 1998; 2002], Л.П. Рягузова [Рягузова, 2001] склонны рассматривать творческое наследие В.В.Набокова как контаминацию культур. Например, роман «Дар» М.Н. Липовецкий характеризует как метароманное обобщение всей русской прозы В.В. Набокова, произведение, несущее в себе черты постмодернистской эстетики. В нём «достигается теснейшее взаимопроникновение символистской и акмеистской эстетик» – «системный синтез» «вещественности» акмеизма и трансцендентности символизма [Липовецкий, 1997-2: 665].

В «Дар» воедино свелись, казалось бы, взаимоисключающие тенденции русской литературы XX в.: одна, восходящая к символизму прозы А. Белого, Ф. Сологуба, другая – к принципам «семантической поэтики» акмеизма, развитым в творчестве А. Ахматовой, О. Мандельштама в 30-е гг. XX в. Кроме того, роман наполнен русской классикой – А. Пушкиным, М. Лермонтовым, Н. Гоголем, которой противопоставляется *морда модернизма*, и важно из *новой поэзии*, по убеждению В. Набокова, лишь то, что *естественно продолжает Пушкина* [Набоков, т.4, 2000].

С модернистской и постмодернистской литературой В.В. Набокова связы-

вает также одна из основополагающих категорий культуры – игра. Дж. Джойс, В.В. Набоков, Х.Л. Борхес, Х. Кортасар, У. Эко – писатели, создавшие для реализации своих художественных целей своеобразный, нетрадиционный комплекс повествовательных стратегий и приёмов, из которых складывается особая игровая поэтика [Липовецкий, 1997-1]. Р. Барт, определяя общие задачи литературы XX в., писал: «Её семиотическая сила заключается не столько в том, чтобы разрушать знаки, сколько в том, чтобы их разыгрывать, вовлекать в работу такого языкового механизма, у которого отказали все стопоры и предохранительные клапаны, насаждать прямо в сердце раболопного языка самую настоящую гетеронимию вещей... Всё что угодно, лишь бы не правило (всеобщность, стереотипность, затвердевший язык... принцип абсолютной неустойчивости, ни к чему не ведающий почтения» [Барт, 1989:58].

Именно категория игры эти цели в полной мере и реализует. В «Лекциях по зарубежной литературе» В.В. Набоков даёт своё определение игры: «обращаясь к художественному произведению, нельзя забывать, что искусство – божественная игра. Эти два элемента – божественность и игра – равноценны» [Набоков, 1998]. Задача искусства – намечать контуры действительности, давая простор для игры воображения. М.А. Люксембург акцентирует внимание на такой особенности игрового текста, как амбивалентность – поливариативность прочтений текста, при которой автор таким образом манипулирует восприятием читателя, что тот нацелен на одновременное видение альтернативных возможностей прочтения и интерпретации как всего текста, так и отдельных его элементов [Люксембург, 1998:6].

Игра подчинена сугубо индивидуальным, установленным автором правилам, позволяющим пренебрегать не только правдоподобием, но и здравым смыслом; это игра с читателем: принимая её правила, читатель в известной степени уравнивается с автором-творцом; игровое конструирование организует

внутренний диалог автора с читателем. Мир произведения разгерметизируется, прорывает рамки, отграничивающие его от «реального» мира или от других «возможных миров»; на первый план вместо «свободного романа» выходит «свободный автор», на наших глазах творящий мир произведения. Все эти признаки игровой поэтики в той или иной степени присутствуют в художественном мире В.В. Набокова и позволяют рассматривать его произведения как метапрозу.

Линда Хатчин определяет метапрозу как особого рода «литературный нарциссизм», поскольку это «проза о прозе, то есть проза, которая включает в себя комментарий по поводу собственной повествовательной или лингвистической идентичности» [Huteheon 1981:1]. Среди устойчивых признаков метапрозы отметим следующие: тематизация процесса творчества через мотивы сочинительства, литературного быта и т.д.; зеркальность повествования, позволяющая соотносить героя-писателя и автора-творца, «текст в тексте» и «рамочный текст». Эти взаимные соотношения часто сопровождаются прямыми или косвенными комментариями, трактуемыми взаимопроникновение текстовой и внетекстовой реальностей.

Используется «обнажение приёма», состоящее в переносе акцента с целостного образа мира, создаваемого текстом, на сам процесс конструирования и реконструирования этого ещё не завершенного образа. Следствием является специфическая активизация читателя, поставленного в положение соучастника творческой игры (отсюда исключительная роль пародий, автопародий, разного рода загадок и ребусов, анаграмм), а также пространственно-временная свобода произведения. Перечисленные выше признаки в полной мере характерны для текстов В.В. Набокова.

Игровая поэтика в произведениях В.В. Набокова развивается и включённостью в них такой категории, как театральная культура, которая вбирает в себя:

- мистерию и цирк;

- комедию и народный театр;
- театр марионеток и теней;
- ярмарочный балаган с соответствующим набором атрибутов – один персонаж превращается в другого, декорации распадаются и т.п. Скорее к набоковскому миру применимо и понятие «ретеатрализации», характеризующее П. Пави как течение, противоположное натурализму, ставящее на первый план правила и условия игры, делающее акцент на подчеркнутом гриме, сценических эффектах, костюмах [Пави, 1991:409].

Через всю набоковскую прозу проходит образная манифестация концепции хаоса. Следуя романтической традиции, В.В. Набоков отождествляет с хаосом мир пошлости во всех его проявлениях: пошлая любовь, пошлый быт, пошлая литература. Для прозы В.В. Набокова характерна космология «двух миров». Оба мира воображаемы, но один относительно похож на наш, в то время как другой, часто явно фантастический, представляет собой антимир. Каждый из них может служить площадкой романного действия, но при этом невдалеке мерцает образ другого мира [Липовецкий, 1997-2]. Сам писатель говорил о том, что искреннее, бесхитрое, доброе никогда не содержит пошлости [Набоков, 1998]. Пошлость есть подмена жизни её муляжом, составленным из банальных стереотипов.

Исследователи творчества В.В. Набокова отмечают ведущие темы его произведений. Ещё Г. Струве писал, что «основоположная тема В.В. Набокова, тесно связанная с его эгоцентризмом, – тема творчества» [Струве 1997], ярко отраженная в романах «Защита Лужина», «Приглашение на казнь», «Дар». Имманентна и тема потусторонности, трансцендентная суть которой выражена мотивами сна, бреда, смерти, судьбы и вообще приёмами, позволяющими передать состояния, благодаря которым становится возможным *заглянуть за подкладку жизни* [Александров, 1999]. В неразрывной связи с темой ирреальности и такие константы, как время и вечность: творческое время В.В. Набокова одновременно охватывает прошлое, настоящее и буду-

щее и тем самым превращается в одно синтезированное, индивидуализированное «настоящее».

Б.В. Аверин отмечает сосредоточенность автора на мотиве памяти, процессе воспоминания: для В.В. Набокова важен не только факт, но и сам путь памяти навстречу этому факту. Например, в романе «Дар» каждое из произведений главного героя писателя Годунова-Чердынцева так или иначе связано с воспоминанием: стихи – с детскими воспоминаниями; новелла о Яше Чернышевском, созданная в память о нём; роман о Чернышевском внешне похож на традиционно-биографический роман, основанный на многих фактах, почерпнутых из воспоминаний о Чернышевском, его писем, дневников, сочинений, но по существу – произведение, построенное на том, что чужие мемуарные свидетельства становятся живым личным воспоминанием Годунова-Чердынцева [Аверин, 1999]. Воспоминание трактуется как нечто противоположное завершённому рассказу о прошлом, рассказу, в котором прошлое получает определённые очертания, предстает как зафиксированная данность.

Память – «самая таинственная сила в человеке» – имеет у В.В.Набокова «активно-преображающий характер» [Бердяев, 1991: 24]. Характеризуя творческий метод В.В.Набокова, А. Адамович говорил: «...Удивляет и пленяет не стиль, не умение прекрасно писать о чём угодно, а слияние автора с предметом; способность высекать огонь отовсюду; дар найти свою, ничью другую, а именно свою тему и как-то так её вывернуть, обглодать, выжать, что, кажется, больше ничего из неё уж и извлечь было невозможно» [Классик без ретуши, 2000:283].

Эксклюзивность авторской манеры письма создаётся путём синтеза художественной образности и научной точности, отражающей особенности его мировидения. Автор, выходя за грани привычной логико-понятийной системы, воплощает своё воззрение во множественном коннотативном ряду. Индивидуальность проявляется не только в создании новых

символов, но и в актуализации традиционных представлений, например, об особых креативных свойствах памяти и зрения в процессе творческого акта. Главный постулат В.В. Набокова – писателю следует зорко видеть мир. Он выделяет *внутреннее (оптическое) зрение*, которое «воссоздаёт образ в лаборатории мозга, не закрывая глаз», и *фасеточное зрение*, ассоциируемое В.В. Набоковым с фотографическим снимком. В.В. Набоков иронично относился к языку понятий, но дорожил собственным «набором художественных ценностей» и «номенклатурных элементов» [Набоков, 1998].

Современники В.В. Набокова писали о непрерывном потоке самых неожиданных формальных, стилистических, психологических, художественных находок Сирина (один из псевдонимов В.В. Набокова). «Сирин не только не маскирует, не прячет своих приёмов..., но напротив, сам их выставляет наружу, как фокусник, который, поразив зрителя, тут же показывает лабораторию своих чудес» [Ходасевич 1999:246]. В.В. Набоков определяет литературный приём как «мыслительный манёвр, потребный для перехода из одного бытия в другое» [Набоков, 1998:97]. Для номинации приёмов литературного сочинительства писатель изобретает разнообразные метафорические определения, которые характеризуют его поэтическое видение мира и особую творческую манеру: *уловки литературного мастерства; трюки, фокусы, умственное сальто; литературные обычаи; авторские причуды; ходы книги; нити, манёвры, искусные выдумки* и др.

Определённый набор средств и приёмов художественной выразительности участвует в формировании стиля писателя. Стиль же помогает отразить, выявить и понять философскую концепцию автора. В.В. Набоков любил повторять, что идеи не так важны в произведении, как образы и «магия стиля» [Набоков, 1998]. Он полагал, что писатель, лишённый дара, не способен выработать сколько-нибудь интересный литературный стиль – в лучшем случае у него получится искусственный механизм,

лишённый искры Божией. Стиль – органичное свойство личности художника, проявление его дара, а не только результат преднамеренных усилий автора [Набоков, 1998].

По наблюдению В. Ходасевича, исследование приёма является исследованием мировоззрения художника [Ходасевич,

1999]. Стиль В.В. Набокова явился своего рода манифестацией безграничных возможностей художника; виртуозная техника игры словом, цветовыми и звуковыми контрастами вместе с хитроумными переплетениями «тематических узоров» создают многослойную и неповторимую ткань его произведений.

Список литературы:

Аверин Б.В. Романы В. Набокова в контексте русской автобиографической прозы и поэзии. Дис. д-ра филол. наук: 10.02.01. СПб., 1999. 318 с.

Александров В.Е. Потусторонность в «Даре» Набокова // Pro et contra: Личность и творчество В.Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Рус. Христиан. гуман. ин-т, 1999. С. 375–395.

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 615 с.

Бердяев Н.А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. 395 с.

Бойд Б. Метафизика В. Набокова: ретроспективы и перспективы // Набоковский вестник. Вып. 6. СПб.: Дорн, 2001. С. 146–155.

Воронина О.Ю. «Игра миров» и художественная реальность: онтологическая проблематика в творчестве В.В. Набокова // Набоковский вестник. В.В. Набоков и Серебряный век. Вып.6. СПб.: Дорн, 2001. С. 156–166.

Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве В. Набокова / Сост. Н.Г. Мельников, А. Коростелев. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 681 с.

Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики: монография []. Екатеринбург, 1997. 317 с.

Липовецкий М.Н. Эпилог русского модернизма. Художественная философия творчества в «Даре» Набокова // Pro et contra: Личность и творчество В. Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Рус. Христиан. гуман. ин-т, 1997. С. 643–666.

Люксембург А.М. Амбивалентность как свойство набоковской игровой поэтики // Набоковский вестник, вып.1. СПб., 1998. С. 16 – 25.

Люксембург М.А. Структурная организация набоковского метатекста в свете теории игровой поэтики // Текст. Интертекст. Культура. М.: Язык рус. культуры, 2002. С. 319–330

Набоков В.В. Дар // Русский период. Собрание соч. в пяти томах. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 4. С. 188–545.

Набоков В.А. Лекции по зарубежной литературе. СПб., 1998. 420 с.

Пави П. Словарь театра / Пер. с фр. под ред. К.Разлогова. М.: Прогресс, 1991. 481 с.

Рягузова Л.Н. Эстетические и теоретико-литературоведческие понятия В.В. Набокова // Текст. Интертекст. Культура. М.: Язык рус. культуры, 2001. С. 343–353.

Струве Г. Набоков – Сирин // Pro et contra: Личность и творчество В.Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Рус. Христиан. гуман. ин-т, 1997. С. 272–283.

Ходасевич Вл. О Сирине // Pro et contra: Личность и творчество В.Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Рус. Христиан. гуман ин-т, 1999. С. 244–250.

Huteheon, Linda. Narsissitic Narrative: Metafictional Paradox. Ontario: Willford UP, 1981.

Об авторах:

Чэн Хун – магистр, доцент по специальности «русский язык и литература» в Хэбэйском педагогическом университете КНР.

Вэн Сюэмэй – магистр, старший преподаватель по специальности «русский язык и литература» в Хэбэйском педагогическом университете КНР.

BASIC PERSPECTIVES OF VLADIMIR NABOKOV'S METAPHYSICS

Cheng Hong, Wen Xiumei

Abstracts. *Vladimir Vladimirovich Nabokov is a distinctive representative of Russian literature in the 20th century. His works are studied by many famous artists in many countries. The conciseness and beauty of his language are unique characteristics of Nabokov's creation. His works show great philosophical depth, high moral values, and aesthetic accomplishments. His erudition has also attracted the attention of the world.*

This paper mainly expounds his metaphysical ideas: Nabokov's metaphysics is mainly expressed in his great understanding of the world and his ability to understand and his longing for something grand and incomparable. His philosophical, ethical and moral ideas have incorporated the views of various literary schools, formalism, and structuralism at home and abroad.

In addition, this article analyzes the relationship between philosophy, ethics, linguistics, reality and non-reality, reality and lies through the study of many works of the author; it clearly defines the distinction between "game" and "acting"; explained a series of problems of the author's creation techniques; summed up the themes such as "time and permanence", "memory and memories" in Nabokov's works.

These are all reflected frequently in Nabokov's works. It is precisely because of this that his works have also been studied as metaphysical works for the public.

Key words. *Metaphysics, creation, style metaphysics, metaproza, creativity, philosophical and ethical views, a real and surreal world, the creation of artistic techniques, the category of "games" and "theater".*

References:

Averin B.V. Romany V. Nabokova v kontekste ruskoj avtobiograficheskoj prozy i poezii [Novels by V. Nabokov in the context of the Russian autobiographical prose and poetry]: Dis. d-ra filol. nauk: 10.02.01. SPb., 1999. 318 s.

Aleksandrov V.E. Potustoronnost' v «Dare» Nabokova [Potustoronnost in Nabokov's "Gift"] // Pro et contra: Lichnost' i tvorcestvo V.Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelej i issledovatelej: Antologija. SPb.: Rus. Xristian. guman. in-t, 1999. S. 75–395.

Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Chosen works: Semiotics. Poetics]. M.: Progress, 1989. 615 s.

Berdiaev N.A. Samopoznanie [Self-knowledge]. L.: Lenizdat, 1991. 395 s.

Bojd B. Metafizika V.Nabokova: retrospektivy i perspektivy [V. Nabokov's metaphysics: Retrospectives and Prospects] // Nabokovskij vestnik. Vyp. 6. SPb.: Dorn, 2001. S. 146–155.

Voronina O.I.U. «Igra mirov» i khudozhestvennaia real'nost': ontologicheskaja problematika v tvorcestve V.V. Nabokova ["Game of the worlds" and art reality: an ontologic perspective in V.V. Nabokov's creativity] // Nabokovskij vestnik. V.V. Nabokov i Serebrianyj vek. Vyp.6. SPb.: Dorn, 2001. S. 156–166.

Klassik bez retushi: Literaturnyi mir o tvorchestve V.Nabokova [The classic without retouch: Literary world about V. Nabokov's creativity]/ Sost. N.G.Mel'nikov, A.Korostelev. M.: Novoe lit. obozrenie, 2000. 681 s.

Lipovetskii M.N. Russkii postmodernizm. Ocherki istoricheskoi poetiki: monografiia [Russian post-modernism. Sketches of historical poetics: monograph]. Ekaterinburg, 1997. 317 s.

Lipovetskii M.N. Ėpilog russkogo modernizma. Xudozhestvennaia filosofii tvorcestva v «Dare» Nabokova [Epilog of the Russian modernism. Art philosophy of creativity in Nabokov's "Gift"] // Pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo V.Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: Antologii. SPb.: Rus. Xristian. guman. in-t, 1997. S. 643–666.

Liuksemburg A.M. Ambivalentnost' kak svoistvo nabokovskoi igrovoi poetiki [Ambivalence as property of Nabokov's game poetics] // Nabokovskii vestnik, vyp.1. SPb., 1998. S. 16 – 25.

Liuksemburg M.A. Strukturnaia organizatsiia nabokovskogo metateksta v svete teorii igrovoi poetiki [The structural organization of the Nabokov's metatext in the light of the theory of game poetics] // Tekst. Intertekst. Kul'tura. M.: Iazyk rus.kul'tury, 2002. – S. 319–330

Nabokov V.V. Dar [Gift] // Russkii period. Sobranie soch. v piati tomakh. SPb.: Simpozium, 2000. T. 4. S. 188–545.

Nabokov V.A. Lektsii po zarubezhnoi literature [Lectures on foreign literature]. SPb., 1998. 420 s.

Pavi P. Slovar' teatra [Dictionary of theater] / Per. s fr. pod red. K.Razlogova. M.: Progress, 1991. 481 s.

Riaguzova L.N. Ėsteticheskie i teoretiko-literaturovedcheskie poniatii V.V.Nabokova [Esthetic and teoretiko-literary concepts of V.V. Nabokov] // Tekst. Intertekst. Kul'tura. M.: Iazyk rus. kul'tury, 2001. S. 343–353.

Struve G. Nabokov – Sirin [Nabokov – Sirin] // Pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo V.Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: Antologii. SPb.: Rus. Xristian. guman. in-t, 1997. S. 272–283.

Xodasevich VI. O Sirine [About Sirin] // Pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo V.Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: Antologii – SPb.: Rus. Xristian. guman in-t, 1999. – S. 244–250.

Huteheon, Linda. Narsissitic Narrative: Metafictional Paradox [Z]. Ontario: Willford UP, 1981.

About the Authors:

Cheng Hong – master, Associate Professor at Scool of Foreing Studies in Hebei Normal University, speciality "Russian language and literature" (China).

Wen Xiumei – master, Teacher at Scool of Foreing Studies in Hebei Normal University, speciality "Russian language and literature" (China).